

УДК 140.81

DOI: 10.34670/AR.2020.37.84.004

**И. Гофман и Г. Бейтсон: фреймирование
«цинической повседневности»**

Шакир Ратмир Александрович

Аспирант кафедры философии,
Красноярский государственный аграрный университет,
660028, Российская Федерация, Красноярск, ул. Толстого, 54;
e-mail: ratmirshak@gmail.com

Аннотация

Поскольку данная статья является частью большого исследования, выстроенного вокруг изучения динамики социальной реальности в контексте современных форм цинизма, постольку она будет посвящена раскрытию и обобщению практической стороны применения фрейм-аналитической социологии повседневности в интерпретации И. Гофмана и Г. Бейтсона к исследованию онтологического пространства «повседневности цинизма». Автор предлагает актуальное для сегодняшнего дня развития социально-философского дискурса теоретическое переосмысление понятия цинизма с позиции микросоциологической теории. Данная актуальность выражается в поиске условий осуществления методологической пересборки инструментов социально-гуманитарного познания, способных к динамическому изучению таких маркер-тенденций, симптоматических свойств модерна и единиц материально-смыслового единства как цинизм.

Для цитирования в научных исследованиях

Шакир Р.А. И. Гофман и Г. Бейтсон: фреймирование «цинической повседневности» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 4А. С. 26-37. DOI: 10.34670/AR.2020.37.84.004

Ключевые слова

Цинизм, актор, фреймирование, социология повседневности, «общество пересказа», модерн, воображаемое, реальность, симулякр, материально-смысловое единство.

Введение

Анализ цинической проблематики, нуждающийся в поиске более новых способов объяснения природы социальной реальности, претендует на вхождение в предметную область фрейманалитических исследований. Это означает, что в контексте «фрейм-аналитической социологии повседневности» современные формы цинизма, с одной стороны, будут определяться как когнитивно искаженные проявления метаконтекстуальной ситуации субъективного или интерсубъективного восприятия, в которой одновременно отражается многообразие материальных вещей, формирующих объективированное пространство понимания социального субъекта. С другой – это отрефлексирующая комбинация устойчивых ценностных представлений, влияющих на смысловое содержание социальной реальности. На указанных определениях строится материально-смысловое единство, отраженное в контекстных ситуациях цинического созерцания, которое обнаруживается фрейм-аналитической методологией на стыке интеракционных актов. Такое понимание современных форм цинизма подчеркивает их атрибутивное значение, характерное для актуального состояния социальной реальности, присущего обществу модерна, о чем говорил П. Слотетрайк в «Критике цинического разума», определяя цинизм как злободневную «эмблему структурного хаоса» и «бич современности». За этими метафорами скрывается образ современного человека как актора социальных отношений, находящегося в состоянии «тотальной неопределенности» веры и в сегодняшний, и в завтрашний день. Подобное состояние человеческой веры продиктовано комплексной проблемой, включающей в себя десакрализацию социальных институтов, чрезмерную формализацию и бюрократизацию общественных отношений, а также вытекающую из них подмену морально-нравственных ориентиров.

В рамках обозначенной проблемы для современного человека становится характерной особая форма восприятия социальной реальности, которая выражается в псевдорациональном целеполагании и выстроенной на его основе социальной модели «мимикрирования» (поведенческая стратегия «ускользания» или ухода от всевозможных проблем, цель которой – долгосрочное самосохранение в неизменном состоянии собственной «зоны комфорта»), что может быть обнаружено для социально-философской теории только в ходе фреймирования «цинической повседневности».

Основное содержание

Для разьяснения применения фрейм-аналитического подхода к изучению современных форм цинизма следует обратиться к теории симулякров Ж. Бодрийяра. Французский философ при осмыслении природы социальной реальности развивал идею гиперреальности – такого способа переживания реальности, в котором полностью стираются онтологические границы и противоречия между реальным и воображаемым. Вследствие этого, социально-гуманитарным дискурсом второй половины XX столетия актуализируется вопрос о том, что есть реальное, ответ на который сам мыслитель раскрывает в понятиях симуляции, симулякров и гиперреальности. *«Симуляция по Бодрийяру – это онто-символический процесс формирования образного подобия реально существующей вещи, которое в дальнейшем обретает спекулятивное бытие и стремление к полному или фрагментарному замещению собой материнской исходной вещи»* [2018, www]. Тогда как симулякр – *«это образ отсутствующей действительности, пустая форма, знак, за которым не стоит какая-либо реальность, а*

также составляющая частица феномена гиперреальности» [2018, www]. Что же касается гиперреальности, то данный термин подразумевает ненастоящую, искусственно созданную реальность виртуальности, которая с точки зрения Ж. Бодрийера, в любой точке онтологического взаимодействия с «настоящим» пластом бытия, пагубно влияет на него, поскольку она стремится подменить его элементы своими. Рассуждая о сущности гиперреальности и о том, в понятиях каких современных теорий она может быть описана, Бодрийер акцентировал внимание на процессе симуляции чего-либо, следствием которого становится стирание воспринимаемых пределов, отделяющих объективность действительности и знаково-символический контекст социальных значений. Гиперреальность – нечто, что не больше, чем символическое отражение действительности, фрагментарно закрепленное в материальных объектах. В этом контексте мыслитель в своей теории симулякров делает акцент на том, что *«символическое – это не понятие, не категория и не «структура», но акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реальному и воображаемого»* [Бодрийер, 2002, 243]. По данному поводу Г. Ю. Литвинцева в своей статье «Гиперреальность в эпоху постмодерна» пишет следующее: *«И политика, и экономика, и сексуальность обретают форму гиперреальности, так как происходит замена реального знаками реальности, утверждение иллюзии творчества, прекрасного, доброты. Реальность подменяется продуктами творчества средств массовой информации, создающими собственную реальность»* [Литвинцева, 2011, 44-45]. Анализируя бодрийеровский концепт понимания гиперреальности, Литвинцева считает, что последняя наполняется, воплощается, а также состоит из образов-знаков, из-за которых любой из социальных субъектов более не способен воспринимать истинную, т.е. подлинную действительность. В этом случае человек обречен на заточение в вечном плену искусственного заменителя реальности – ее подмены – симуляции. Таким образом, по словам Литвинцевой, воспроизводящей в своих рассуждениях логику Бодрийера, человек оказывается оторван от реального мира, будучи погруженным в «пучину гиперреальных знаков». Также, согласно Ж. Бодрийеру, гиперреальность *«характеризует ситуацию, когда феномены истины, адекватности, реальности перестают восприниматься в качестве онтологически фундированных и воспринимаются как феномены символического порядка»* [Закирова, Кашин, 2012, 31]. Данный аспект восприятия социальной реальности характерен для периода модерна, в рамках которого завершается процесс десакрализации, берущий начало еще в гуманистическом проекте Эпохи Возрождения. Данный процесс выражается в постепенном разрушении знания о реальном, т.е. в расщеплении уверенности в сложившемся порядке вещей как истинном, устойчиво-понятном и привычном. Знание такого рода образует рекурсивную ситуацию «тотальной неопределенности», когда человек лишается понимания того, что ему следует делать (эффект «подвешенного моста»).

Пребывая в таких условиях, реальность для субъекта обнаруживает свое существование опосредованно, т.е. через нарративные системы норм и запретов, определяющих векторы развития различных идеологических форм, и движения общественных тенденций. Одним из ключевых инструментов этого процесса являются медиаторы коммуникативной сферы, такие как интернет, СМИ и телевидение, которые совокупно кластеризируют образный мир символического пространства, претендующего на подлинное бытие. Сама же реальность, а не ее лоскутное подобие, существующее в виде гиперреальности, все больше приобретает симулятивный, репутационно-спекулятивный и воображаемый характеры. Указанный процесс трансформации социальной реальности на отдельные полужамкнутые информационные

кластеры будет продолжаться до тех пор, пока воображаемое и реальное не сольются воедино в восприятии субъекта созерцания. В такой реальности репрезентация заменяется на симуляцию, которой присущи галлюцинаторный характер и все атрибуты воображаемого.

Несмотря на тезис о том, что воображаемое растворяется в реальном и наоборот, вопрос их соотношения, условно говоря, может быть решен по Бодрийяровской формуле: «*Коэффициент реальности пропорционален запасу воображаемого, которое придает ей удельный вес*» [Бодрийяр, 2000, 152]. На самом деле, нельзя установить ни одним из традиционных методов социально-философской теории, какая доля воображаемого содержится в реальном, также как нельзя установить никаких четких границ между первым и вторым, поскольку, как реальное, так и воображаемое, являются гипотетическими конструктами. Точно также, обычными инструментами познания невозможно обнаружить и исследовать цинизм как маркер-тенденцию или устойчивую характеристику общественных умонастроений. Но это не означает, что априори невозможно изучать аналогичные цинизму маркер-тенденции. Это скорее методологическое затруднение, чем онто-гносеологическое.

Каждое проявление гиперреальности, понимаемое в качестве слияния реального и воображаемого, равно как и формы общественных умонастроений, четким символическим отражением или материальным воплощением не обладают, но несмотря на это, они в ходе актов интеракции оставляют вполне конкретные следы. По своей природе данные следы будут являться четкими для обнаружения результатами социально-культурной саморефлексии, существующими в виде отдельных образно-символических конструкций, наполняющих пространство медийных, художественных, политических и общественных этосов. Иногда смыслы, наполняющие такие этосы, обретают свое материальное воплощение, полностью «сливаясь» в качестве означаемого со своим объектом, транспонируя образную природу его восприятия. Такие процессы характерны для чего угодно, например, на их основе существует медийная и рекламно-маркетинговая сферы. Если в них не будет задаваться тональность начального движения в процессах формирования знаковых образов, то и символического обмена как условия существования симулякров и гиперреальности не станет. Но по-прежнему остается не проясненным вопрос о том, как данные формы движения изучать и что может дать в этом контексте фрейм-аналитический подход? Отвечая на этот вопрос, социально-философская теория должна исходить из признания своеобразной диалектики общественного бытия, формируемой синтезом реального и воображаемого, поскольку этот синтез, как и его результаты всегда подвижны и изменчивы; они неоднозначны, сложны и абстрактны. Проблема данной диалектики в сложности теоретического определения этого синтеза, а также выстраивании универсальной сетки оценочных координат и исследовательских категорий. Синтез воображаемого и реального является воплощением социальной реальности, в ходе исследования которой акцент вопрошания должен ставиться на вопросе ее существования, нежели сущности, из-за чего в сфере социологических исследований довольно часто происходит подмена этих понятий.

Социальная реальность модерна, о которой говорит Бодрийяр в своей теории симулякров, а также «фрейм-аналитическая социология повседневности» в интерпретации Ирвинга Гофмана, формируется посредством различных механизмов пересказа или ситуации игры. В духе такого понимания социальной реальности высказался французский философ Мишель де Серто, определив современное общество в качестве «общества пересказа»: «*Наше общество стало обществом пересказа в трех смыслах: оно одновременно определено рассказами (recits – это басни наших реклам и информационных источников), упоминанием рассказанного (citations) и*

их бесконечным пересказыванием (*recitations*)» [Серто, 2013, 308] друг другу. В такое общество встраиваются первостепенные ориентации на оценку «общественного мнения», поддержание имиджа и репутации, соответствующих авторитетным мнениям, не имеющих конкретного источника и зависящих в свою очередь от быстротечных и непостоянных общественных трендов, очень поверхностно закрепляющих ценность реального. В таком обществе «работает» стратегия формализации общественных отношений, которую допустимо определять как «отсылку ради отсылки», и которая, с одной стороны, показывает накопившуюся тягу людей к подлинной реальности, затерянной в процессуальности повседневных забот и экзистенциальных переживаний момента «здесь и сейчас», с другой – она репрезентирует продолжающийся момент отдаления современного человека от реальности как таковой (значение слова «реальность» для него истончается). Благодаря этому происходит дальнейшее кластеризация и укоренение «лоскутной псевдореальности» симулякров в общественном сознании. Процесс понимания и постижения социальной реальности у носителей сознания модерна приобретает характер порочной практики, постоянно апеллирующей к «опыту конструкции травмы» [Павперов, 2013, www] во всех его проявлениях, выполняющего функцию сильного маркера, способного вытеснить зрителя за пределы его зоны комфорта и, таким образом, стать для него важным условием обнаружения собственного существования в бесконечной веренице социально-культурных отсылок.

Именно травмирующий опыт по-прежнему вызывает эмоциональный отклик и эмпатические колебания у современных аудиторий, за счет чего на долгие десятилетия XX-XXI вв. становится основой для так называемого «шок-контента», в равной степени как отталкивающего, так и притягивающего к себе человека, искушенного современностью. Сам опыт травмы, как один из самых популярных сюжетных мотивов, постоянно деконструируется и перестраивается медиаторами блогосферы в новые срезы псевдореальности, перемешиваемой с первичными (по отношению к этим срезам) фрагментами квазиподлинной социальной реальности, в итоге замыкая ее на себе самой. Социальному субъекту, для того, чтобы найти выход из круговорота воображаемых, спекулятивных и поверхностных значений необходимо совершить радикальный рывок, но чаще всего он оказывается только в ином срезе медийной или повседневной псевдореальности. Подчеркивая воображаемый характер подобного рывка де Серто писал, что «реальное – это то, во что в каждом конкретном месте заставляет нас верить референция, отправляющая к другому месту» [Серто, 2013, 310]. Под референцией следует понимать «соотнесение употребленного в тексте имени (именной группы) с внешним миром (объектами действительности), а также результат такого соотнесения; отношение между референтом и языковым знаком» [Референция, www].

Социальную реальность мы описываем одновременно, и как процесс социального взаимодействия, и как его конечный результат, который не дается социальному субъекту-актору в качестве чего-то статичного и неизменного, т.е. как нечто динамическое, постоянно производящееся, трансформирующееся, переписывающееся и переживающееся этим субъектом. Это понимание выражает динамическую сущность социальной реальности, но при этом нам необходимо определиться с тем, какими стратегиями осуществляется процесс конструирования современной социальной реальности? Для решения данного вопроса был выбран фрейм-аналитический подход, поскольку в его интерпретации данный процесс описывается как то, что рождается на стыке актов интеракции. Но что собой представляют с точки зрения этой перспективы такие понятия как «фрейм», «фреймирование», «рефрейминг» и «повседневность»?

И. Гофман под «фреймом» понимает интерпретационные схемы, т.е. определенные метаконтекстуальные перспективы субъективного или intersубъективного восприятия, в пределах которых задается формальное определение коммуникативных ситуаций. Образование фреймов в когнитивной сфере социального субъекта происходит неосознанно, поэтому любая работа над ними – это область примата воображаемого над реальным.

Процесс фреймобразования содержит две операции – фреймирование (создание новых фреймов когнитивной деятельностью субъекта) и рефрейминг (разрушение уже готовых фреймов, созданных кем-то ранее). Любой фрейм следует интерпретировать в качестве матрицы или сжатой и закодированной системы, обладающей своим уникальным ситуационным контекстом. Таким образом, фреймирование есть процедура включения в эту матрицу, несущую в себе определенный и устойчивый культурный код социальных отношений и то, что порождается в ходе социально-символического обмена. Тогда рефрейминг – это процесс декодирования культурной матрицы, ее символического разрушения и возможной перестройки в новый фрейм, посредством установления воображаемого характера фрагментов восприятия реальности. Значение социальной коммуникации как процесса символического обмена и начального образования новых общественных тенденций таково, что из реального невозможно полностью вычленить какой-то фрагмент воображаемого, заменив его другими фрагментами. По этой причине фреймирование и рефрейминг важно рассматривать в единой связке, в качестве обоюдных стратегий конструирования социальной реальности, каждая из которых несет в себе элементы операций другой.

Но каковы эти операции, а также в чем именно прослеживается взаимосвязь фреймирования и рефрейминга? Для того, чтобы ответить на данные вопросы, обратимся к другому представителю фрейм-аналитического подхода, Грегори Бейтсону, американскому эпистемологу и специалисту в области кибернетики. В его интерпретации теории фреймов можно обнаружить несколько важных особенностей фреймов, на которых И. Гофман не акцентировал внимания:

1) любой фрейм – это метакоммуникативный фрагмент данных, фреймирование которых образует сообщение, способствующее выработке у адресата более правильного понимания его закодированного содержания;

2) фреймы характеризуются эксклюзивией, т.е. исключаящей направленностью, иначе говоря, при включении в структуру фрейма ряда сообщений со схожей контекстуальностью происходит автоматическое отсеивание тех групп сообщений, значение которых не может быть вписано в контекст данного фрейма;

3) одновременно с эксклюзивным характером, фреймы обладают также инклюзией, т.е. когда различные сообщения отсортировываются в группу неподходящих под контекстуальные условия фрейма, происходит актуализация возможности включения новых значений в структуру рассматриваемого фрейма;

4) критерии отбора значений, подходящих для структуры фрейма, обусловлены комплексом ситуационных предпосылок, совокупно формирующих уникальную контекстуальность метакоммуникативного сообщения как основы будущего фрейма;

5) каждый фрейм образует прочную контекстуальную связь со всеми сообщениями, с которыми взаимодействует, что в гофмановской трактовке описывается как организация систем фреймов (frameworks), без детального описания этой связи;

6) при осуществлении процессов фреймобразования необходимо определиться с *«логическими границами значений фреймированного поля»* [Бейтсон, 2000, 216], т.е. ставить

акцент на то, что по отношению к зарождающемуся фрейму необходим сторонний фрейм, выполняющий функцию фонового значения, с которым совершаются операции сопоставления и сравнения.

«Использование в качестве фундаментальной оппозиции различение framework / network, как систем редукторов / дистрибьюторов взаимодействия, задает принципиально иное, не семиотическое, а собственно социологическое истолкование метафоры «гетерогенной сети». Теперь это не просто сеть разнородных отношений, но сеть человеческих и не-человеческих актантов, находящихся в постоянном взаимодействии» [Вахштайн, 2005, 106].

Г. Бейтсон придает теории фреймов когнитивно-психологический оттенок, чего для комплекса вопросов, очерченных в данном исследовании, явно недостаточно. По этой причине важно соединить его выводы об организации фреймобразования с идеями И. Гофмана, в большей степени обладающими социальной направленностью. В свою очередь, подобный концептуальный синтез позволит нам говорить о фреймировании и рефрейминге как о стратегиях конструирования социальной реальности, в которой реальное и воображаемое слиты воедино.

Для понимания и описания актуальной природы социальной реальности, частью которой являются современные формы цинизма, наибольшее значение имеет та часть концепции И. Гофмана, в которой повседневность – это онтологически открытая «пограничная плоскость-перекресток», из которой берет начало бесконечное множество субъективных и интересубъективных срезов реальности каждого из акторов социально-символического взаимодействия. Концептуальное содержание «повседневности» Гофман всегда подводил к вопросу о том, что есть реальное, отвечая на который, он приходил к выводу, что каждый из возможных срезов этой реальности, в рамках своей метаконтекстуальной ситуации обладает подлинностью и неповторимой уникальностью. Единственные ограничения, налагаемые на степень подлинности и единичности этих срезов реальности, по Гофману проистекают от «онтологического приоритета» самих систем фреймов. Среди них мыслитель выделял базовые или первичные системы, за которыми нельзя обнаружить иной интерпретации значений коммуникативных сообщений, кроме того способа их объяснения, который изначально задан контекстом этой системы фреймов. Так, по И. Гофмана, базовые системы фреймов – это та самая «подлинная реальность». В свою очередь, первичные системы фреймов подразделяются на природные и социальные. *«Природные системы фреймов, – полагает Гофман, – определяют события как ненаправленные, бесцельные, неодушевленные, неуправляемые – “чисто физические”. Здесь царят детерминизм и предопределенность. Социальные фреймы, напротив, обеспечивают фоновое понимание событий, в которых участвуют воля, целеполагание и разумность – живая деятельность, воплощением которой является человек»* [Гофман, 2003, 82].

Помимо базовых систем фреймов, являющихся основой любого символического взаимодействия в мире повседневности, также существуют вторичные системы, которые по Гофману есть результат преобразования первичных в нечто пародийное, менее реальное и «ненастоящее». И. Гофмана здесь интересует сам способ указанной трансформации, которая подразделяется им на два типа.

Первый тип – самый распространённый – был назван «переключением», в соответствии с естественнонаучной метафорикой «переключаемой схемы»: данная трансформация подразумевает реинтерпретацию некоторой последовательности действий или событий, уже осмысленной и включенной в первичную систему фреймов, а значит, и перевод этого

осмысления в иную систему фреймовых координат. Такая система координат характеризуется большим уровнем «воображаемого», нежели «реального», чем мы способны обнаружить в первичной системе фреймов, а значит, она априори будет обладать возможностью выстраивания нового пласта социальной псевдореальности. Таким новообразованным пластом социальной псевдореальности будут символическое и объективированное пространство сновидений, индивидуальных желаний, любого текста, театральной сцены, общественного мероприятия и прочего. В этих «пространствах» онтологизируется момент «настоящего», как ключевое условие для придания метакommunikативным значениям фреймов статуса повседневной самоочевидности, не требующей детального пояснения. Сама процессуальность действий этих «пространств», благодаря онтологизации момента «настоящего» и самого «переключения», как трансформации первичных систем фреймов в свое условное, но «реальное» подобие, будет разбиваться на контекстные отрезки деятельности и перестраиваться во вторичную систему фреймов.

Второй тип трансформации И. Гофман определил, как фабрикации, поскольку она *«предполагает целенаправленное образование ложного представления о происходящем событии»* [Гофман, 2003, 145], из которого и формируется символическая основа вторичного фрейма. В данную группу систем фреймов будут входить такие метаконтекстуальные события или ситуации, как экспериментальные инсценировки, лежащие в основе, например, психологических исследований и практик; различные розыгрыши, перформансы, пранки как социальные акции и выступления фокусников; *«патерналистские конструкторы»* политической или юридической сферы социальных отношений (*«“Патерналистский конструктор” – экономико-политико-правовые проявления особой модели социальных отношений, в основе которой лежит идея одностороннего патронажа и опекуна старшего над младшим»* [Патерналистский конструктор, www]); любые проверки и т.д.

Трансформации типа «переключения» будут отличаться от «фабрикаций» тем, что в них нельзя обнаружить намеренной лжи, т.к. они протекают в качестве инсценировки по схеме «игровой ситуации», когда во вторичной системе фреймов воспроизводится отдельная атрибутивность исходного события (например, сцена казни на театральных подмостках). Также в качестве проявлений реализации схемы «игровой ситуации» будут подходить события состязаний (бокс или профессиональная борьба, как инсценировка драки или силового столкновения), церемониалов (вручение диплома об окончании учебного заведения как кристаллизованный символ архаичного обряда инициации) и т.д.

Каждая трансформация подразумевает появление последующих слоев фреймов, что является своеобразной репрезентацией репрезентации, а также переводом в новообразованную систему координат того, что уже прошло несколько этапов перевода. Но что это означает, по отношению к фреймированию, как одной из стратегий конструирования социальной реальности, а также к повседневному способу ее восприятия акторами?

Г. Бейтсон, наделяя теорию фреймов когнитивно-психологическим контекстом, определяет фреймирование не столько как один из смыслопорождающих способов восприятия реальности, сколько в качестве реальности как таковой, а точнее, как сферу конституирования воображаемых значений. Данная идея обнаруживается и у самого Гофмана: *«Фрейм включает в себя как восприятие реальности, так и саму воспринимаемую реальность»* [Гофман, 2003, 146]. Поскольку реальность фреймируется, т.е. образует четкую и предельную схему понимания и восприятия схожих смыслов и значений у социальных акторов, то устойчивый по своему характеру мир повседневности становится доступным для различной социальной-философской

аналитики. Благодаря этому исследователи социального получают возможность отследить комплексные значения любого события, которое актер когнитивно включает в образованную ранее фреймовую систему, путем обращения к «фабрикации» и «переключению». Так же системы фреймов, как культурные матрицы легитимизированных символических значений, способствуют восприятию даже нереальных событий в качестве подлинных, т.е. как неотъемлемых и самоочевидных фрагментов повседневности, расширяя пределы социальной реальности.

Развивая социальную направленность теории фреймов, И. Гофман полагал, что фреймы определяют векторы любой совместной деятельности людей. Фреймами порождаются как системы релевантности, так и нормативные диспозитивы: *«Сколь бы многообразными ни были формы человеческой деятельности, они регулируются фреймами, которые снабжают основных участников взаимодействия нормативной информацией о том, что должно находиться в фокусе их внимания»* [Гофман, 2003, 269]. Описывая фреймы через метафорику регуляторов человеческой деятельности, Гофман предлагает различать их по степени вовлеченности участников в процесс фреймирования. Чем выше уровень вовлеченности, тем больший эффект оказывает стратегия фреймирования на сознание человека. И тем труднее ему становится прорваться за пределы «воображаемого реального», к тому, что он понимает под «подлинной реальностью». Этот аспект, как раз объясняется идеей Гофмана об иерархичной последовательности фреймов, ступенчато вытекающих один из другого, где каждый последующий слой фреймовой системы – это сложное отражение предшествующей репрезентации. Но в итоге фрейманалитик оказывается лицом к лицу перед вопросом о том, как могут быть соотнесены нетрансформированные и трансформированные фрагменты процессуальности действий и событий в рамках повседневного восприятия социальной реальности акторами? Иными словами, что есть реальность и «реальное» как таковые?

«Когда мы считаем что-либо нереальным, – пишет Гофман, – мы иногда не учитываем, что реальность не обязательно должна быть очень уж “реальной”; с таким же успехом она может быть, как инсценировкой событий, так и самими этими событиями, а может быть репетицией репетиции или репродукцией оригинального изложения. Любое из изображений может быть в свою очередь создано путем копирования нечто такого, что само является макетом, и это наводит нас на мысль, что суверенным бытием обладает отношение, а отнюдь не субстанция» [Гофман, 2003, 677]. В приведенных словах раскрывается философский потенциал «фрейм-аналитической социологии повседневности», благодаря которому она перестает быть сугубо микросоциологической теорией. Гофмановская интерпретация вопроса о реальности «социальной реальности» дополняет ряд социологических задач, решение которых в сфере исследований повседневности обычно связывают с Э. Гуссерлем, А. Шюцем и У. Джемсом.

У. Джемс, как один из предшественников И. Гофмана, заменил классическую формулировку вопроса о том, что есть реальность, на свою – более концептуализированную: *«При каких обстоятельствах люди считают вещи реальными?»* [Вахштайн, 2006, 72]. Пространства языка, идеи, сна, вкуса, профессии и чего угодно – это не только фрагменты единой реальности, но также они составляют самостоятельные универсумы, испытывающие определенную зависимость от исходной или «подлинной» реальности – мира непревращенных и нетрансформированных контекстом имманентных форм деятельности. Этим онто-символическим аспектом объясняется переакцентировка интересов с самих форм опыта и характера общественных практик, встречающихся у сторонников «практического поворота», на

отношения между ними и то, что находится на стыке акторно-сетевого обмена.

Каждый «субуниверсум» обладает собственным уникальным стилем и способом существования, а также являет собой «согласованную систему» закрытого, но не изолированного типа. Такая система онтологизируется в качестве «подлинной», покуда обнаруживается контекст, и сама она пребывает в центре чьего-то внимания. И тем, что определяет стиль существования таких «субуниверсумов», является фреймирование как стратегия воображаемого.

Иными словами, что может подразумеваться под процессом фреймирования, который мы рассматриваем с точки зрения исследований «повседневности цинизма»? Отвечая на этот вопрос, уральский философ О. С. Мантуров пишет следующее: *«Прежде всего, это некоторое установление, легитимация конкретной области значений (фреймирование действует таким образом на всех уровнях социальности: от обыденного восприятия до идеологических систем)»* [Мантуров, 2015, 58]. Процессы как фреймирования, так и рефрейминга могут задавать форму общественным или индивидуальным представлениям, которые еще не прошли данную обработку, а значит по своему характеру остаются неразмеченными, разносторонними и несформированными. За латентным смыслообразованием кроется рационализация любой формы деятельности, которая нацелена на достижение наибольшей степени эффективности, которая ожидается довольно часто вопреки результатам оценки затрат времени и сил социальных субъектов. И наконец, процесс фреймирования приводит к установлению и систематизации различных устойчивых общественных представлений, даже те из них, которые становятся актуальными знаками-символами и овеществленными атрибутами социальной реальности. К ним могут быть отнесены – современные формы цинизма, «общественное мнение», «коллективная воля», «картина мира», и т.д.

Заключение

Что же касается социально-философской области применения методологии «фрейм-аналитической социологии повседневности» И. Гофмана и Г. Бейтсона, то она обнаруживает себя в прикладных исследованиях, цель которых – выявление причинности образования устойчивых общественных умонастроений из пересечения интерактивной, символической и акторно-сетевой форм социального взаимодействия. После установления причинно-качественных характеристик и особенностей этих процессов, означающих материально-смысловое единство, данная методология вместе со своими результатами и выводами может быть присоединена к исследовательским методам сетевого подхода в динамическом объяснении природы социальной реальности. В контексте исследований современных форм цинизма, формирующих в ходе постоянных циркулярных актов интеракции сложное и хаотично-структурное многообразие целостных образов различных «эмблем» и знаковых структур, выражающих описанную Слотердайком через анализ работ Ницше установку «имитации разума», обнаруживается практический потенциал социальной философии в области работы с данными образами. Эти образы как результат описанных социально-символических взаимодействий пропитывают всю пространственную плоскость социальной реальности, на всех ее интеробъективных срезах. Но что является точкой пересечения подобных срезов социальной реальности, определив которую общественная аналитика может установить прочную сетевую связь между всеми маркер-тенденциями современного развития социума? Данная точка – пограничная символично-онтологическая область социальной

пространственности – «жизненный мир», или как его определила поздняя микросоциология – повседневность. Именно в повседневных актах созерцания, в которых когнитивно переплетаются реальности буквально чего-угодно, рождаются бодрийеровские симулякры как сплавы реального и воображаемого, делезовские «ризоматические среды», слотердаевские «эмблемы современности» и другие готовые и конкретные образы-слепки, отражающие в единичных материально-смысловых объектах суть непрекращающегося символического обмена социальной реальностью.

Библиография

1. Жан Бодрийяр: Гиперреальность. Симулякр. Симуляция [Электронный ресурс] / Философия ИИ. URL: http://ai-news.ru/2018/01/zhan_bodriyar_giperrealnost_simulyakr_simulyaciya.html (дата обращения: 05.07.2018)
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. — М.: Добросвет, 2000. — С. 243.
3. Литвинцева, Г. Ю. Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник СПбГУКИ, 2011. — №6 (июнь). — С. 44-45.
4. Закирова, Т. В., Кашин, В. В. Концепция виртуальной реальности Жана Бодрийяра // Вестник ОГУ. — 2012. — Июль (№ 7). — С. 28-36.
5. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — С. 308.
6. Павперов, А. Теория травм: как социальные потрясения формируют нашу солидарность [Электронный ресурс] // Теории и практики: научно-образовательный портал, 6.09.2013. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/7588-teoriya-travm> (дата обращения: 05.10.2018).
7. Референция [Электронный ресурс] / Русский язык: энциклопедия русского языка. URL: <http://rusскиyazik.ru/769/> (дата обращения: 05.10.2018).
8. Бейтсон, Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000. — С. 216.
9. Вахштайн, В. С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории / В. С. Вахштайн. // Социологическое обозрение Том №4, 2005. — №1. — С. 106.
10. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой; вступ. Статья Г. С. Батыгина. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — С. 82.
11. Патерналистский конструкт [Электронный ресурс] / Medic.Studio. URL: <https://medic.studio/meditsinskoy-etiki-osnovu/paternalistskaya-model-48697.html> (дата обращения: 05.05.2018).
12. Вахштайн, В. С. Социология повседневности: от «практики» к «фрейму» // Социологическое обозрение, 2006. — Т. 5 — № 1. — С. 72.
13. Мантуров, О. С. Фреймирование и рефрейминг как стратегии конституирования реальности / О. С. Мантуров // Социемы. № 21. — Екатеринбург, 2015. — С. 58.

I. Hoffman and G. Bateson: framing “cynical lebenswelt”

Ratmir A. Shakir

Postgraduate,
Department of Philosophy,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
660028, 54, Tolstoy str., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: ratmirshak@gmail.com

Abstract

Summary: Since this article is part of a large scientific study, built around the study of the dynamics of social reality in the context of modern forms of cynicism, in so far as it will be devoted to the disclosure and generalization of the practical side of the application of the frame-analytical

sociology of everyday life in the interpretation of I. Hoffmann and G. Bateson to the study of the ontological space «cynical lebenswelt». The author proposes a theoretical rethinking of the concept of cynicism from the standpoint of microsociological theory, which is relevant for the development of socio-philosophical discourse today, in order to search for conditions for the implementation of a methodological reassembly of tools of social and humanitarian cognition capable of dynamic study of such marker trends, symptomatic properties of modernity and units of material-semantic unity as cynicism.

For citation

Shakir R.A. (2020) I. Gofman i G. Beitson: freimirovanie «tsinicheskoi povsednevnosti» [I. Hoffman and G. Bateson: framing “cynical lebenswelt”]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (4A), pp. 26-37. DOI: 10.34670/AR.2020.37.84.004

Keywords

Cynicism, actor, framing, sociology of everyday life, “retelling society”, modernity, imaginary, reality, simulacrum, material and semantic unity.

References

1. Jean Baudrillard: Hyperreality. Simulacrum. Simulation [Electronic resource] / Philosophy of AI. URL: http://ai-news.ru/2018/01/zhan_bodriyar_giperrealnost_simulyakr_simulyaciya.html (date accessed: 05.07.2018)
2. Baudrillard, J. Symbolic exchange and death / Per. with fr. S.N. Zenkina. - M.: Dobrosvet, 2000. -- S. 243.
3. Litvintseva, G. Yu. Hyperreality in the postmodern era // Bulletin of SPbGUKI, 2011. - No. 6 (June). - S. 44-45.
4. Zakirova, TV, Kashin, VV The concept of virtual reality by Jean Baudrillard // Vestnik OSU. - 2012. - July (No. 7). - S. 28-36.
5. Certeau, M. de. The invention of everyday life. 1. The art of making / Michel de Certeau; per. with fr. D. Kalugin, N. Movnina. - St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013. - P. 308.
6. Pavperov, A. Trauma theory: how social upheavals shape our solidarity [Electronic resource] // Theories and practices: scientific and educational portal, 6.09.2013. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/7588-teoriya-travm> (date accessed: 05.10.2018).
7. Reference [Electronic resource] / Russian language: encyclopedia of the Russian language. URL: <http://russkiyyazik.ru/769/> (date of access: 05.10.2018).
8. Bateson, G. Ecology of Mind. Selected articles on anthropology, psychiatry and epistemology / Per. from English. M.: Smysl, 2000. -- S. 216.
9. Vakhstein, V. S. Return of the material. "Spaces", "networks", "streams" in the actor-network theory / V. S. Vakhstein. // Sociological Review Volume №4, 2005. - №1. - P. 106.
10. Hoffman, I. Analysis of frames: an essay on the organization of everyday experience: Per. from English. / Ed. G. S. Batygina, L. A. Kozlova; entry Article by G. S. Batygin. - M.: Institute of Sociology RAS, 2003. -- P. 82.
11. Paternalistic construct [Electronic resource] / Medic.Studio. URL: <https://medic.studio/meditsinskoy-etiki-osnovyi/paternalistskaya-model-48697.html> (date accessed: 05.05.2018).
12. Vakhstein, VS Sociology of everyday life: from “practice” to “frame” // Sociological Review, 2006. - V. 5 - No. 1. - P. 72.
13. Manturov, OS Framing and reframing as strategies for constituting reality / OS Manturov // Societies. No. 21. - Yekaterinburg, 2015. - P. 58.